

УДК 81'255,2

Никитина М.А.

Московский государственный областной университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «ENFANT PERDU» М.А. МИХАЙЛОВЫМ И В.В. ЛЕВИКОМ

M. Nikitina

Moscow State Regional University

THE LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TRANSLATION OF HEINE'S «ENFANT PERDU» BY M.L. MIKHAILOV AND V.V. LEVIK

Аннотация. В статье анализируются переводы стихотворения Г. Гейне «Enfant perdu» М.Л. Михайлова и В.В. Левика. Выбор данного стихотворения обусловлен тем, что оно является заключительным стихотворением цикла «Лазарь» и одним из последних, написанных Г. Гейне. Цель анализа – определение наиболее близкого к оригиналу перевода (вариантов перевода). Лингвистический анализ основывается на точности передачи смыслового, графического, звукового, структурного и др. содержания оригинала. Большое значение при переводе играет личность самого переводчика. В результате анализа делается вывод о том, что перевод В.В. Левика более точен, чем перевод М.Л. Михайлова.

Ключевые слова: переводной текст, романтизм, оригинал, анализ, выразительное средство, ямб, рифма.

Abstract. In the article the emphasis is placed on analysis of translations of Heine's poem «Enfant perdu» by M.L. Mikhailov and V.V. Levik. The choice of this poem is motivated by the fact that it is the final poem of the cycle, "Lazarus," and one of the last poems written by H. Heine. The purpose of the analysis is to find the most adequate translation option of the original. The linguistic analysis is based on the fidelity of semantic, graphic, sound, structural, and etc. content of the original. The personality of the interpreter is of great importance in translation. The analysis makes it possible to conclude that the translation by V.V. Levik is more accurate than the one by M.L. Mikhailov.

Key words: translated text, the original, romanticism, analysis, means of expression, iambus, rhyme.

По сравнению с «Книгой песен» и «Новыми стихотворениями» третий сборник Г. Гейне «Романсеро» представляет собой апогей поэтической зрелости – периода творчества, который привёл Гейне от отрицания романтизма к новым выразительным средствам [1, с. 15]. Стихи этого сборника были написаны в Париже в тяжёлые для поэта 1846-1851 гг., эти годы он называл «матрасной могилой». Вторая книга «Ламентации», содержащая в себе цикл «Лазарь», повествует о сложном политическом пути поэта.

«Enfant perdu» – заключительное стихотворение цикла «Лазарь», оно подводит итог жизни поэта. «Enfant perdu» в буквальном переводе с французского – «потерянное дитя», но использовалось это выражение в смысле «смертник» – так во французской армии называли солдат, которые выполняли приказы, обрекающие их на гибель – шли в атаку или охраняли удалённый пост. «Enfant perdu» было написано в 1851 г., через три года после революции 1948 г. в Германии, в которой были провозглашены основные идеи французской революции. Её целью должно было стать создание единого демократического, конституционного государства.

Генрих Гейне был человеком, который создавал много проблем германским правителям того времени. Принадлежа не к самой уважаемой религии, иудейству, он протестовал против социально-политической обстановки на родине. Его произведения подогревали беспокойство масс и давали новые силы революционерам. В результате этого издавать Г. Гейне в Германии запретили, что стало причиной его отъезда во Францию (в 1831 г.).

Жизнь поэта была очень трудна, в 51 год он заболел и до конца своих дней был прикован к постели. Это случилось на пике революции в Германии, в 1948 г. Несмотря на наступивший паралич, Г. Гейне создал сборник „Matratzengruft“ («Матрасная могила»), в который входила как гражданская лирика („Enfant Perdu“), так и философские стихотворения („Die Lotusblume“).

Г. Гейне был умным человеком, но очень упрямым, человеком с неиссякаемой иронией, что, несомненно, ему помогало в те нелёгкие времена. Стихи Гейне пользовались широкой известностью не только на родине: слава поэта перешагнула границы. Его творчество получило всемирный отклик. Особенно популярным было оно в России. Переводы его произведений стали появляться в русской печати ещё в 20-х гг. XIX столетия. Начиная с Лермонтова и Тютчева и вплоть до Блока, в России не было почти ни одного поэта, который бы не переводил автора «Книги песен». Гейне оказался созвучным русской литературе своим лиризмом и своей острой, разящей сатирой. Для популяризации творчества немецкого поэта в нашей стране много сделал известный публицист и революционный деятель XIX в. М.Л. Михайлов. Его переводы вызвали внимание к Гейне со стороны русской революционно-демократической критики, ценившей в наследии поэта в первую очередь его революционный пафос, стремление «пробуждать от сна задремавшие силы народа». Именно поэтому для анализа мы взяли переводы стихотворения „Enfant perdu“ М.Л. Михайлова и В.В. Левика (табл. 1).

Проанализируем стихотворение Генриха Гейне и оба его перевода. Произведение имеет два плана: реально-событийный и иносказательный. Реальность – борьба за свободу, за права человека в феодальной Германии, иносказание – это участие с оружием в руках в освободительной войне, обречённой на поражение. Поэт предстаёт в образе бойца, заранее знающего, что ему не удастся удержать свою позицию (пост), не удастся живым и здоровым вернуться домой. Он отбивал атаки вражеских лазутчиков и сам получал зияющие

раны. Ему приходится покинуть свой пост, но он надеется, что на смену погибшим бойцам придут другие. На пороге смерти он говорит, что гибнет непобеждённым, оставляя другим своё оружие («Der eine fällt, die andern rücken nach»). Вот только сердце его надорвано.

Для того чтобы понять иносказательный план стихотворения, нужно обратиться к некоторым особенностям творчества Г. Гейне. Он был на стороне обездоленных, беспощадно критиковал алчность богатых и власть имущих. Особую ненависть последних вызывал его сатирический эпос «Германия. Зимняя сказка» (1844). В рассматриваемом нами тексте он в иносказательной форме говорит об этом: стоя ночью на посту, он порой прогонял скуку или страх «бойким свистом или песнью злою».

Писатель борется за души людей, особенно тех, кто близок ему по духу, людей, способных повлиять на ход истории. Но не всегда поэту удавалось достучаться до их душ. В стихотворении об этом сказано иронически-иносказательно: «Auch hielt das laute Schnarchen dieser Braven Mich wach, wenn ich ein bißchen schlummrig war». В переводе М.Л. Михайлова мы, к сожалению, этой иронии не видим:

*Я день и ночь стоял не засыпая,
Пока в палатках храбрые друзья
Все спали, громким храпом не давая
Забиться мне, хоть и вздремнул бы я.*

В переводе же В.В. Левика («В иные дни прилеж бы сам охотно, / Но спать не мог под храп лихих вояк») ироничность поэта передана как нельзя лучше.

Третья строфа сильнее, чем вторая, разрушает нейтральную атмосферу стиха. Беспокорство от языковой структуры переходит на само звучание стихотворения. Эти стихи связаны с войной, и можно увидеть в них нечто схожее с судьбой самого Г. Гейне. Г. Гейне боится смерти, вызванной его постоянно ухудшающимся здоровьем, и у него было бы достаточно времени, чтобы использовать стихосложение в качестве развлечения. Но автором в третьей строфе было рассказано

Таблица 1

Переводы стихотворения „Enfant perdu“ М.Л. Михайлова и В.В. Левика

Verlorner Posten in dem Freiheitskriege,	Перевод М.Л. Михайлова	Перевод Вильгельма Левика
<p><i>Hielt ich seit dreißig Jahren treulich aus. Ich kämpfe ohne Hoffnung, daß ich siege, Ich wußte, nie komm ich gesund nach Haus.</i></p> <p><i>Ich wachte Tag und Nacht - Ich konnt nicht schlafen, Wie in dem Lagerzelt der Freunde Schar - (Auch hielt das laute Schnarchen dieser Braven Mich wach, wenn ich ein bißchen schlumdrig war).</i></p> <p><i>In jenen Nächten hat Langweil' ergriffen Mich oft, auch Furcht - (nur Narren fürchten nichts) - Sie zu verscheuchen, hab ich dann gepffiffen Die frechen Reime eines Spottgedichts.</i></p> <p><i>Ja, wachsam stand ich, das Gewehr im Arme, Und nahte irgendein verdächt'ger Gauch, So schoß ich gut und jagt ihm eine warme, Brühwarme Kugel in den schnöden Bauch.</i></p> <p><i>Mitunter freilich mocht es sich ereignen. Daß solch ein schlechter Gauch gleichfalls sehr gut Zu schießen wußte - ach, ich kann's nicht leugnen - Die Wunden klaffen - es verströmt mein Blut.</i></p> <p><i>Ein Posten ist vakant! - Die Wunden klaffen - Der eine fällt, die andern rücken nach - Doch fall ich unbesiegt, und meine Waffen Sind nicht gebrochen - nur mein Herze brach [7].</i></p>	<p>Забывтый часовой в Войне Свободы, Я тридцать лет свой пост не покидал. Победы я не ждал, сражаясь годы; Что не вернусь, не уцелею, знал.</p> <p>Я день и ночь стоял не засыпая, Пока в палатках храбрые друзья Все спали, громким храпом не давая Забиться мне, хоть и вздремнул бы я.</p> <p>А ночью — скука, да и страх порою... (Дурак лишь не боится ничего.) Я бойким свистом или песнью злою Их отгонял от сердца моего.</p> <p>Ружье в руках, всегда на страже ухо... Чуть тварь какую близко разгляжу, Уж не уйдет! Как раз дрянное брюхо Насквозь горячей пулей просажу</p> <p>Случалось, и такая тварь, бывало, Прицелится — и метко попадет. Не утаю — теперь в том проку мало - Я весь изранен; кровь моя течет.</p> <p>Где ж смена? Кровь течет; слабеет тело. Один упал — другие подходи! Но я не побежден: оружие цело, Лишь сердце порвалось в моей груди [1, 300].</p>	<p>Как часовой, на рубеже Свободы Лицом к врагу стоял я тридцать лет. Я знал, что здесь мои промчатся годы, И я не ждал ни славы, ни побед.</p> <p>Пока друзья храпели беззаботно, Я бодрствовал, глаза вперив во мрак. (В иные дни прилеж бы сам охотно, Но спать не мог под храп лихих вояк.)</p> <p>Порой от страха сердце холодело (Ничто не страшно только дураку!) — Для бодрости высвистывал я смело Сатиры злой звенящую строку.</p> <p>Ружье в руке, всегда на страже ухо — Кто б ни был враг, ему один конец! Вогнал я многим в мерзостное брюхо Мой раскаленный, мстительный свинец.</p> <p>Но что таить! И враг стрелял порою Без промаха! — забыл я ранам счет. Теперь — ув! я все равно не скрою — Слабеет тело, кровь моя течет...</p> <p>Свободен пост! Мое слабеет тело... Один упал — идут другие вслед. Я не сдаюсь! Мое оружие цело! Но в этом сердце крови больше нет [3, 152]</p>

слишком много, и в следующей строфе он пытается вернуться к дистанцированному тону повествования. Сохранить его Г. Гейне помогает по-солдатски грубоватая, незамысловатая манера речи. В четвёртом стихе речь снова идёт о революции („das Gewehr am Arme“). На войне это довольно обычная картина – солдат с оружием. Следует обратить внимание на то, что в этом стихе проскальзывает характерная для Гейне ирония. Усиление значения восходит от „warme“ (Kugel) к „brühwarme“ («с пылу с жару»). Но ещё ярче авторскую позицию выражает дополнение «in den schnöden Bauch». Использование прилагательного «schnöde» является признаком неуважения к врагу, злости, обречённости.

В пятой строфе, с одной стороны, читатель понимает, что солдат вот-вот погибнет („- ach

ich kann 's nicht leugnen“), с другой – скоро погибнет и сам Гейне. Он слаб и беспомощен. А фразу „Es verströmt mein Blut“ можно интерпретировать как потерю сил, связанную с потерей крови. Причудливый, отчасти деловой стиль в предпоследней строфе уже не опасен. Нарушение структуры сложноподчинённого предложения («Daß solch ein schlechter Gauch gleichfalls sehr gut / Zu schießen wußte») – это лишь формальное выражение для того, чтобы показать распад поэтического существования, которое находится на исходе. Довольно неплохо, хотя и не совсем точно, это выражено у М.Л. Михайлова («Случалось, и такая тварь, бывало, / Прицелится –...»). У В.В. Левика этого нет: у него эта строфа переведена не совсем удачно, в ней преобладают восклицательные предложения («Но что

таить! И враг стрелял порою / Без промаха!
– забыл я ранам счёт. / Теперь – увьи!»), но геройство на войне – как правило только в фильмах, на самом же деле – это страх, боль, беспомощность. В.В. Левика здесь не удалось прочувствовать лирического героя, но им передана двусмысленность последних строк («раскаленный, мстительный свинец»); ср.: у М.Л. Михайлова – «горячей пулей». Несмотря на то, что у М.Л. Михайлова перевод точнее, он не передаёт двусмысленности: у него солдат, но не поэт!

Последний стих так же неоднозначен, как и пятый, здесь тоже проводится параллель между Генрихом Гейне и солдатом. Его работа, его положение в обществе были подчинены его идеям. Для этого он работал и жил. Этот солдат тоже жил и умер за свои ценности, за то, чтобы изменить эту жизнь. Солдат умирает, но он знает, что за ним идут другие солдаты, у которых те же взгляды, и они умрут за справедливость. И пока они живы, их идеи не умрут. Такова и жизнь Г. Гейне. Он, как любое живое существо, покинет этот мир, „sein Herze wird brechen“, doch „seine Waffen“ („его сердце разрывается“), но его слова и мысли будут жить. Г. Гейне сам не может бороться, но борются другие, и он сделал для этого всё. Последняя строфа М.Л. Михайлова неудачна, потому что она начинается с риторического вопроса («Где ж смена?»), которого нет у Г. Гейне (у В.В. Левика переведено очень близко к оригиналу («Свободен пост!»)).

Стихотворение состоит из шести строф, каждая – из четырёх стихов. Опираясь на пятистопный ямб и пронизывающую всё стихотворение перекрёстную рифму, произведение получает регулярный ритм. Почти каждая строка заканчивается знаком препинания, а строфы – точками, что придаёт каждому стиху собственное содержание и делает его полным самим по себе. Начало каждого стиха написано с заглавной буквы, и стихи имеют поочерёдно 11 и 10 слогов, что также вписывается в ритм этого стихотворения. Надо заметить, что ритм и перекрёстная рифма переданы обоими переводчиками на высоком уровне. Особенности строя стихотворения

выражаются с помощью вводных предложений, стоящих в скобках, они создают впечатление продолжения мыслей лирического «Я». „Nur Narren fürchten nichts“ (3-я строка, 2-й стих) является дополнением к „Mich oft, auch Furcht“, что может создать впечатление, будто солдат чего-то боится, но поэт стремится, чтобы у читателя не складывалось такого впечатления: у героя нет другого выбора, потому что он человек, он не может быть бесстрашным. „Auch hielt das laute Schnarchen dieser Braven / Mich wach, wenn ich ein bißchen schlumdrig war“ (2-ой стих, строки 3 и 4) – дополнение к первым двум строкам стиха, потому что этим автор поясняет, почему не мог спать солдат. У В.В. Левика оба вводных предложения в переводе представлены, у М.Л. Михайлова они отсутствуют во второй строфе.

Другая поразительная особенность – это то, что почти в каждом стихе есть тире. Первый стих без тире, во втором куплете уже полторы строки обрамлены тире. В третьем стихе тире – дополнение к скобкам, чтобы при помощи выделительной интонации ещё ярче подчеркнуть позицию поэта. Четвёртый стих сплошной – но лишь для того, чтобы пятый и шестой можно было “пронзить” двумя вводными тире дополнениями, которые усиливают звучание последних и главных строк стихотворения („nur mein Herze brach“). М.Л. Михайлов использует тире в 3, 5, 6 строфах (в пятой строфе их 3). У В.В. Левика тире в 3, 4, 5, 6 строфах (в пятой их 2). Оба переводчика не передали интонацию Г. Гейне. Его лирический герой жив в пяти строфах, в шестой его линия “превращается” в одну, сердце прекращает биться...

Язык стихотворения прост, так как оно было адресовано тем людям, которые не принадлежали к образованным средним классам, тем, кто принимал участие в революции. Г. Гейне использовал много разговорных выражений, таких как „schnarchen“ (второй куплет), „schlumdrig“ (второй куплет), „verdächtiger Gauch“ (четвёртая строфа), „schnöden“ (четвёртая строфа). Это обусловлено тем фактом, что стихотворение обращено к участникам революции. А использование

слова „Spottgedicht“ показывает ироничное отношение поэта к жизни и своим произведениям. Эту же цель преследуют и повторения „warme, brühwarme Kugel in den schönen Bauch“. М.Л. Михайлов в своём переводе употребляет 14 слов стилистически сниженной окраски (6 – устаревших («на страже»), 2 – разговорных («вздremнуть», «бывало»), 1 – пренебрежительное («дрянное») и 3 – просторечных («прок», «просадить»)) [5]. У В.В. Левика – 1 устаревшая единица («порой»), 1 просторечие («высвистываю»), 1 поэтическая («увы»), 5 разговорных («вояка») и 6 книжных («вперить», «мрак») единиц [5]. Перевод М.Л. Михайлова стилистически ближе к оригиналу (стихотворение Г. Гейне написано простым, доступным каждому языком), перевод же В.В. Левика звучит более строго, книжно.

Риторические приёмы Генрих Гейне использует экономно. В начале – „verlorenen Posten“, в стихе 1, что является повторением названия. Фраза „Ich kämpfe ohne Hoffnung, dass ich siege, Ich wusste, nie komm ich gesund nach Haus“ (куплеты 3-4) говорит о неизбежности смерти. Первый стих приглашает читателя продолжить чтение, чтобы узнать, как поэт приходит к выводу, что смерть неизбежна. В стихах 4 и 5 повторяется слово „Gauch“, которое является символом врага и выражает презрение. М.Л. Михайлов использует слово «тварь», а В.В. Левик – нейтральное «враг», что по выраженности стилистической окраски уступает переводу М.Л. Михайлова.

В пятой строфе Г. Гейне использует прием эллипсиса („Mitunter freilich mocht es sich ereignen“), у М.Л. Михайлова – «Случалось» (что близко к оригиналу), у В.В. Левика – «Но что таить!»; далее следует „Die Wunden klaffen“ в четвёртой строке, которое повторяется в шестой строфе. Обе фразы “заключены” в тире, что усиливает интонационный акцент на этих словах. У М.Л. Михайлова переведено «Кровь моя течёт», «Кровь течёт», у В.В. Левика же этого нет: «Кровь моя течет», «Мое слабеет тело». В последнем стихе мы видим слово „Waffen“, которое для автора означает его мировоззрение, идеологию. А

слово „Herze“ означает жизнь (стилистический прием синекдохи), и эта жизнь погибает. У В.В. Левика («Оружье цело, / Лишь сердце порвалось в моей груди») и М.Л. Михайлова – одинаковый перевод: «оружье цело, / Лишь сердце порвалось в моей груди».

Стихотворение «*Enfant Perdu*» воспроизводит мысли солдата и писателя о смерти. Однако неподражаемая гейновская ирония пробуждает душевный подъём и веру в будущее. Стихотворение производит сильное впечатление благодаря постоянному напряжению, в котором находится читатель. И выводом его является ужасное открытие: в борьбе за новое, которая должна была быть для Гейне борьбой за новое в поэзии, разрушились некоторые идеи, с которыми ему нельзя было расставаться, так как этим самым он разрушил частичку себя. И прежде всего это его связь с романтизмом. Он должен был отказаться от романтизма, но сам больше всего пострадал от этого, потому что во времена Г. Гейне романтические образы считались лишь помехой в достижении выразительности и стали клише. Его поэзия была постоянной борьбой за поэтический язык, но лишь в конце жизни он понимает, что сам не приемлет «новой поэзии». С такой мыслью он расстаётся с недругами и друзьями, надеясь на то, что, простив своему поэту все его вольные и невольные ошибки, они бережно будут хранить его добрую славу и передадут её детям и внукам.

Он не ошибся. Светлая память о Генрихе Гейне живёт в сердцах народов, которые усыновили и ввели в свою семью великого национального немецкого поэта, сделав его дорогое наследие достоянием всего человечества. Поэт-революционер М.Л. Михайлов, который опубликовал на русском языке свыше 120 стихотворений Г. Гейне, был самым страстным пропагандистом творчества немецкого поэта в середине прошлого века. Возможно, именно поэтому его перевод кажется нам роднее, “более русским”, отечественным. Однако нельзя судить по первому взгляду. Единственное, что удалось М.Л. Михайлову лучше других, – это передать стилистическую окраску стихотворе-

ния. В остальном он сильно уступает В.В. Левику, у которого учтены звукопись, вводные предложения и – самое главное – образ лирического героя. Если у М.Л. Михайлова это просто солдат, то у В.В. Левика это поэт-воин. Нужно отдать должное обоим переводчикам, им удалось сохранить ритм, размер и перекрёстную рифму стихотворения. М.Л. Михайлов довольно вольно перевёл Г. Гейне, возможно, потому, что считал его “равным” себе по духу и убеждениям, а В.В. Левик относился к поэзии Г. Гейне очень трепетно и уважительно, переводил её с удовольствием и потом декламировал во время Великой Отечественной войны, в которой лично принимал участие, своим сослуживцам [4, с. 155]. Однажды мастер художественного перевода К.И. Чуковский сказал: «И нечего опасаться того, что такой перевод будто бы обезличит переводчика и лишит его возможности проявить свой творческий талант. Этого ещё никогда не бывало. Если переводчик талантлив, воля автора не сковывает, а, напротив, окрыляет его. Искусство переводчика, как и искусство актёра, находится в полной зависимости от материала. Подобно тому, как высшее достижение актёрского творчества – не в отклонении от воли драматурга, а в слиянии с ней, в полном подчинении ей, так же и искусство переводчика, в высших своих достижениях,

заключается в слиянии с волей автора» [6, с. 102]. В ходе лингвистического анализа двух переводов В.В. Левика и М.Л. Михайлова мы пришли к выводу, что В.В. Левику перевод более удался, чем М.Л. Михайлову, однако звучание стихотворения М.Л. Михайлова ближе русскому слуху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гейне Генрих. Избранные сочинения: Пер. с нем. / Редкол.: Л. Андреев, Г. Бердников, Г. Гоц. и др.; Сост., вступ. статья и коммент. А. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1989. – 702 с.
2. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак-тов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издат. центр «Академия», 2005. – 320 с.
3. Левик В. Избранные переводы. В 2-х томах. Т. 1. Предисл. Л. Озерова. – М.: Худож. лит., 1977. – 414 с.
4. Озеров Л. “Его светлость – талант”. К 90-летию со дня рождения художника и переводчика Вильгельма Вениаминовича Левика // Компьютерная хроника. – 1997. – № 6. – С. 131-166.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2000.
6. Чуковский К.И. Искусство перевода. – М.-Л.: ACADEMIA, 1936. – 227 с.
7. Martin D., Alexander K. Heinrich Heine im Exil [Электронный ресурс]. – URL: <http://projekte.aeg-reutlingen.de/exil2004/heine.html> (дата обращения: 10.01.2012).